

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-49-77

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ИЛИ ТОТАЛИТАРИЗМ — СЛОЖНЫЙ ВЫБОР ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

С.А. Барков, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Человечество всегда воспринимало неопределенность как крайне негативную характеристику среды обитания. С некоторой долей условности все развитие цивилизации можно рассматривать как борьбу с неопределенностью. И к 20-м гг. ХХI в. люди обрели мощный инструмент снятия неопределенности в виде информационно-коммуникационных технологий. Они создали невиданные ранее возможности отслеживать и прогнозировать развитие огромного количества объектов (или/и субъектов).

Однако как это всегда имеет место в развитии общества, явный успех сопрягается с серьезными порожденными им проблемами. Минимизация неопределенности оборачивается тотальным контролем за людьми. Возникает новый тип тоталитаризма. Во многих своих чертах он похож на своего предшественника ХХ в., но имеет и свои особенности. Если “старый” тоталитаризм был выстроен вокруг защиты и претворения в жизнь идеологических ценностей, то новый тоталитаризм базируется на управленческих императивах и стремлении избежать неопределенности. При этом если в рамках старого тоталитаризма субъектом контроля было только государство с его специально разработанными для этого структурами, в новом тоталитаризме людей контролируют не только государственные органы, но и корпорации.

Важнейшей особенностью нового тоталитаризма является то, что современная техника начинает последовательно уничтожать лакуны свободы человека во всех сферах общественной жизни, и прежде всего в экономике. Плановая экономика ХХ столетия не могла полностью подчинить единому центру хозяйственное поведение людей. Лакунами свободы пользовались цеховики, шабашники, студенческие отряды, рационализаторы и др.

Сегодня перед человечеством стоит сложный выбор — либо и далее избавляться от неопределенности, делая общество еще более тоталитарным, либо осознать положительные аспекты неопределенности и начать бороться с новым тоталитаризмом.

Ключевые слова: тоталитаризм, неопределенность, плановая экономика, свобода, контроль, информационно-коммуникационные технологии.

* Барков Сергей Александрович, e-mail: barkserg@live.ru

UNCERTAINTY OR TOTALITARIANISM — A DIFFICULT CHOICE FOR HUMANITY

Barkov Sergey A., Doctor of Sociology, Professor, Head of Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: barkserg@live.ru

Humanity has always perceived uncertainty as an extremely negative characteristic of the environment. With a certain degree of convention, the entire development of civilization can be viewed as a struggle against uncertainty. And by the 2020s, people had acquired a powerful weapon for this struggle — information and communication technologies. They have created unprecedented opportunities to monitor and predict the development of a huge number of objects (or/and subjects).

However, as is always the case in the development of society, clear success is coupled with serious problems generated by it. Minimizing uncertainty turns into total control over people. A new type of totalitarianism is emerging. In many of its features, it is similar to its predecessor of the twentieth century, but it also has its own characteristics. Whereas the “old” totalitarianism was built around the protection and implementation of ideological values, the new totalitarianism is based on managerial imperatives and the desire to avoid uncertainty. If within the framework of the “old” totalitarianism the subject of control was only the state with its specially designed structures, in the new totalitarianism people are controlled not only by state bodies, but also by corporations.

The most important feature of the new totalitarianism is that modern technology begins to consistently destroy the lacunae of human freedom in all spheres of social life, and above all in the economy. The planned economy of the twentieth century could not completely subordinate the people’s economic behavior to a single center. The lacunae of freedom were used by a lot of people, who managed to produce and trade independently from the state.

Today, humanity faces a difficult choice — either to continue to get rid of uncertainty, making society even more totalitarian, or to realize the positive aspects of uncertainty and begin to fight against the new totalitarianism.

Key words: totalitarianism, uncertainty, planned economy, freedom, control, information and communication technologies.

Состояние неопределенности всегда воспринималось человеком как болезненное и нежелательное, как нечто такое, от чего нужно по возможности избавиться. На избавление от неопределенности и отдельными людьми, и человечеством в целом за всю его историю были потрачены огромные усилия. С некоторой долей условности все развитие цивилизации можно рассматривать как титаническую попытку воплощения в жизнь идеала минимизации неопределенности. С древнейших времен цивилизация старалась и старается сделать природный мир подконтрольным человеку. Когда социальный мир достаточно усложнился, люди также старательно стали делать попытки избавиться от неопределенности в нем, тратя огромные

средства на построение научных моделей, способных предсказать будущее развитие общественных процессов.

Относительно неопределенности у людей сложились устойчивые стереотипы, целиком и полностью согласующиеся со здравым смыслом. Неопределенность — это опасность. Неопределенность — это угроза. Неопределенность — это неуправляемость. Неопределенность — это невозможность планирования. И, наконец, что важно не только для здравого смысла, но и для философского восприятия действительности, неопределенность — это свидетельство ограниченности разума. Исходя из этих постулатов вполне логичными, оправданными и даже возвышенными становятся попытки снять неопределенность, сделать ее воздействие на людей минимальным, а если удастся, то и “похоронить” ее вообще.

Краткая история борьбы с неопределенностью

Одна из важнейших в истории человечества революций — аграрная (переход от охоты и собирательства к земледелию) может трактоваться как первый бой, который отчасти сознательно, отчасти неосознанно человечество объявило неопределенности. При этом первые земледельцы жили и питались хуже своих постоянно кочующих предков. Они страдали от недоедания и болезней, их пища стала однообразнее, а труд утомительнее¹. И несмотря на это человечество пошло на такой шаг в надежде избавиться от неопределенности природной среды и заменить ее искусственно созданной. В этом, как и в большинстве последующих случаев, избавление от неопределенности оказалось эфемерным. Неопределенность нахождения пищи в природной среде сменилась неопределенностью погодных условий, от которых зависел урожай.

В дальнейшем человечество постоянно объявляло очередные и внеочередные бои неопределенности и почти всегда оказывалось в ситуации Пирровой победы.

Невзирая на спорные результаты борьбы с неопределенностью, сознание людей всегда сохраняло в себе идеал избавления от нее. Лучше всего об этом свидетельствуют многочисленные утопии, создававшиеся самыми разными авторами в самые разные эпохи. Если попытаться суммировать их содержание и выразить его одной сентенцией, не будет преувеличением сказать, что утопия — это экспериментальная модель снятия неопределенности. В утопическом обществе нет болезней и неурожаев, нет борьбы и конфликтов, господствует строгий порядок, подчиняющий себе как природу, так

¹ Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М., 2021. С. 66–71, 99–107.

и людей. Начиная с платоновского государства в утопиях нет места конкуренции с ее непредсказуемыми результатами, нет места неожиданным реакциям одних социальных групп на действия других, и даже изобретения, меняющие этот искусственный мир, не создают своим появлением никаких проблем.

К концу XX в. все большему числу людей стали очевидными неоднозначные итоги многовековой войны с неопределенностью (хотя многие до сих пор верят в то, что повсеместное избавление от нее — это лейтмотив развития и безусловное благо для человечества). Показательно, что к этому времени даже простые люди, далекие от философии, социологии или экономики, начали сомневаться в том, что состояние неопределенности можно со временем уменьшить. Одна пожилая женщина, описывая свой жизненный опыт, очень точно охарактеризовала это ощущение. В начале прошлого века ей нужно было ежедневно ходить на работу и с работы на подмосковную станцию, расположенную в девяти километрах от дома. Часть пути проходила по лесу, в котором в то время водились волки. Они, что называется, и “порождали неопределенность”. При этом, если она слышала невдалеке за собой тяжелые шаги мужчины, она чувствовала себя спокойно, поскольку можно было рассчитывать на помощь. Уже в конце XX столетия, будучи в преклонном возрасте, она поняла, что если сегодня будет идти по лесу и услышит за собой мужские шаги, возникнет тягостное ощущение неопределенности и страх. Сегодня волков в Подмоскowie нет, но неопределенность никуда не делась, она просто изменилась.

Философы значительно раньше осознали тщетность и даже пагубность избавления от неопределенности. По всей видимости, первым был Эпикур с его теорией свободно и спонтанно отклоняющихся атомов. Именно он заложил основы понимания того, что неопределенность — это не только опасность, но и незыблемое основание свободы. Молодой свободолюбивый Маркс выбрал именно эту теорию для своей докторской диссертации². Именно в неопределенности он увидел поначалу возможность преобразования мира и избавления от диктата норм и правил, подавляющих свободное развитие человека и общества. Но время для развития этих мыслей еще не пришло, и в дальнейшем Маркс внес огромный вклад в общее движение по удалению неопределенности из жизни людей, предложив реальный путь осуществления на практике утопических принципов устройства общества и разработав концептуальные основы

² Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // Маркс К. Из ранних произведений. М., 1956.

перехода от капитализма к плановой экономике, уничтожающей неопределенность в хозяйственной жизни.

Сегодня мы можем видеть, что неявные и по большей части робкие философские попытки “оправдать” неопределенность делались многими мыслителями как до Маркса (прежде всего Гегелем и Кантом), так и после него. Но все эти попытки тонули в общем стремлении победить неопределенность с помощью развития науки и упорядочивания природно-социального окружения человека.

Конец XX столетия для цивилизационного отношения к неопределенности стал переломным моментом. Утопии сменились антиутопиями, а параллельно с ними стали возникать самые разные концепции, включающие в себя принятие вечности, непреодолимости и даже желательности неопределенности.

Тоталитаризм, возникший на основе попытки претворить в жизнь идеальное утопическое строение общества, стал наглядным свидетельством того, что происходит с людьми, когда они добиваются наиболее явных успехов в снятии неопределенности. В отсутствии неопределенности человек перестает быть человеком, он вынужден становиться таким же определенным и предсказуемым, как машина. Общество, состоящее из атомов-людей, не способных спонтанно менять траекторию своего движения, выглядит почти идеально и почти соответствует многовековым мечтам человечества, но это общество убивает саму природу человека, уподобляясь тюрьме с самыми жесткими правилами надзора и наказаний.

Разочарование в реализации утопий на Земле породили две очень разные концепции, содержащие в себе новое отношение к неопределенности, — постмодернизм и неолиберализм. Они интересны тем, что явно вышли за рамки рафинированных философских воззрений и стали непосредственно оказывать влияние на общественную жизнь.

Постмодернизм впустил неопределенность в саму структуру познания реальности. Он стал проповедовать знание, построенное не по традиционному иерархическому принципу (от аксиом к теоремам и отдельным вычислениям), и смирился с неизбежностью наличия противоречивых мнений о мире. Синтезируя науку и искусство, постмодернизм создал методологию познания, в рамках которой неопределенность перестала восприниматься как некомпетентность познающего. Если неопределенность непреодолима в окружающем нас мире, она непреодолима и в сознании. Если наука чего-то не может объяснить (а такое было и будет всегда), не нужно думать, что это слабость науки. Просто существуют вещи, которые лучше познавать с помощью поэзии, религии или других форм сознания, которые не

похожи на науку в ее стремлении уничтожить неопределенность³. Традиционная для постмодернизма критика преобразующего пафоса науки также ставит барьер в стремлении человека “подогнать” окружающую среду под себя, минимизируя зоны неопределенности в ней.

Как и постмодернизм, неолиберализм во многом возник из критики тоталитаризма. Один из его основоположников, Ф. Хайек, названием своей наиболее известной книги четко сформулировал главный лозунг этой идеологии: государственное регулирование экономики — это “дорога к рабству”. При этом апогеем государственного регулирования было плановое хозяйство. На Западе активно развивались его более мягкие формы, однако суть этого явления оставалась неизменной — снятие неопределенности рынка с помощью замены неуправляемых конкурентных начал организационными, созданными сообразно человеческой логике и уменьшающими неопределенность до возможного на данный момент предела. Новое отношение неолиберализма к неопределенности наиболее четко проявилось в инициированных им реформах естественных монополий. В их рамках рационально созданные и рационально управляемые организации в инфраструктурных отраслях заменялись непредсказуемыми рынками. Иными словами, от неопределенности не избавлялись, ее сознательно создавали.

Параллельно с этими влиятельными в интеллектуальном плане теориями в конце XX в. резко возрастает внимание к такому направлению исследований, как рискология. Множатся философские, социологические и экономические интерпретации рисков, выявляются десятки типов рисков, с которыми мы вынуждены сосуществовать, риск окончательно признается неизбежным спутником человеческой деятельности. При этом важнейшим лозунгом рискологии служит высказывание о том, что риск — это не только опасность, но и возможность. Не вдаваясь в специфические различия между риском и неопределенностью, можно утверждать, что и рискология пытается представить миру новое, часто воспринимающееся как противоречащее здравому смыслу понимание неопределенности.

Несмотря на все эти успехи в оправдании неопределенности социально-экономическая реальность XXI в. стала развиваться по традиционной траектории, которая получила мощную поддержку в лице информационных и коммуникационных технологий (ИКТ). Внезапно и во многом непредвиденно начался новый этап борьбы, новый бой, в котором человечество опять-таки льстит себя надеждой

³ См.: Барков С.А., Зубков В.И. Монологи и диалоги о постмодерне и постмодернизме. М., 2019.

сделать окружающий мир и, главное, его будущее более определенным и подконтрольным.

Источники неопределенности

Прежде чем детально рассмотреть эту новую ипостась вечного стремления избавиться от неопределенности, необходимо дать некоторые разъяснения по “вводным” современной ситуации. И прежде всего стоит задаться вопросом, откуда возникает неопределенность.

Если попытаться предельно обобщить причины неопределенности в жизни человека, получится весьма странная и не вполне логически выстроенная совокупность явлений и процессов. Базовыми причинами неопределенности, непредсказуемости и неподконтрольности окружающего нас мира выступают будущее, природа, инновации и рынок.

Наиболее универсальный источник неопределенности — это будущее. Оно всегда хотя бы отчасти непредсказуемо. Попытки досконально предугадать будущее обречены на провал. Если в рамках эволюции некоего объекта еще удастся “ухватить” самую общую тенденцию его развития, то в революционные и кризисные времена прогнозы оказываются неточными и вполне сравнимыми по своей “сбываемости” с предсказаниями астрологов или шаманов. Но здравый смысл человека никак не хочет принимать этой истины. Для нас время — это некий единый поток, бегущий из прошлого в будущее. Настоящее мгновенно, по сути его вообще невозможно идентифицировать. Используя математическую аналогию, продолжительность настоящего равна площади точки, т.е. нулю (однако стоит помнить, что, как любая фигура состоит из множества точек, так и время складывается из множества настоящих моментов). Поэтому очень трудно представить, что в этой микроскопической точке происходит радикальное изменение природы.

Все образованные люди слышали об искривлениях времени и пространства, но к обыденной жизни эти рассуждения малоприменимы, и для большинства людей на планете они остаются простой “игрой ума”. И вот обычный (даже не слишком образованный) человек вдруг должен смириться с тем, что будущее, которое вот-вот станет прошлым — это господство случайности, а прошлое, которое еще совсем недавно было будущим, — это господство необходимости. Не просто искривление, а радикальная трансформация времени и самого бытия происходят в бесконечно малой точке! Принять такое положение будь то разумом, будь то душой очень сложно, почти невозможно. И человечество в большинстве своем не принимает этой истины или этой логики. Причем, не понимает в первую очередь

одну ее сторону и постоянно пытается навязать правила прошлого будущему для избегания неопределенности последнего.

Самые ранние мифологические и философские системы, созданные человечеством, исходили из цикличности развития мира. Как такого нового будущего нет, будущее — это повторение прошлого. Такую логику принять просто. И именно эта логика избавляла людей от болезненного ощущения неопределенности. Но время шло, и циклическая модель развития мира все в большей степени обнаруживала свою ограниченность. Трезвый научный взгляд на реальность поначалу столкнул людей с неопределенностью, справедливо описывая новизну массы явлений и несводимость их к прошлому. Но затем наука попыталась сгладить ту боль, которую принесла человечеству. В цивилизационном развитии возникала и стала доминировать доктрина, согласно которой все новое, а тем самым и будущее можно предсказать, только нужно дать волю ученым. И долгое время такое понимание жизни с признанием временного характера неопределенности позволяло человечеству обрести “душевный покой” в меняющихся условиях.

Способствовали утверждению единой сущности времени не только технократы с верой в свои прогностические способности, но и историки. Они делали это неким косвенным, но не менее действенным образом. История — классическая наука, хотя ее методология и носит описательный характер. Она, как и физика, стремится к однозначности своих положений. Для историка и по сей день важно выявить все причины былых событий и показать, что они были неизбежными. Даже если он и признает возможные варианты развития событий, его научная логика прямо подводит его тому, чтобы объяснить, почему из всех возможных сценариев история избрала именно этот. Такую историю учат в школе и университетах, и она вошла в культурный код современного человека. Историк, как истинный ученый, с этим ничего поделать не может, да и не хочет⁴. Скорее в непредсказуемость истории могут поверить современные философы, журналисты и литераторы⁵, но они всегда вызывают у историков

⁴ Очень точно о таком восприятии истории говорит название одной интернет-публикации: *Габович Е.Я.* Многовариантность истории как следствие продажности историков. URL: <https://history.wikireading.ru/291650> (дата обращения: 22.06.2021).

⁵ В нашей стране о пользе альтернативной истории наиболее ярко высказываются Л.М. Млечин и А.А. Вассерман. Последний выразил свое отношение к “сослагательному наклонению в истории” так: “...исторические события можно оценить только сравнением с несостоявшимися вариантами... Не зря с давних времен на стыке литературы с наукой развивается увлекательное направление исследований — альтернативная история. Ей отдали дань даже многие классики (например, А.Дж. Тойнби. — С.Б.)” (*Вассерман А.А.* Скелеты в шкафу истории. М., 2012. С. 72).

снисходительно-пренебрежительную реакцию. А если в прошлом нет неопределенности, то почему она должна быть в будущем?

Так или иначе, но именно непредсказуемое будущее составляло, составляет сегодня и будет составлять основу неопределенности в жизни людей. Другие причины просто накладываются на нее, дополняя картину неопределенности своими красками и сюжетами.

Важнейшим из этих других источников неопределенности является природа во всех ее проявлениях. Человечество не защищено от удара крупного астероида о Землю, на самой Земле человечество постоянно сталкивается с многообразными стихийными бедствиями. И как бы люди ни пытались обезопасить себя от природной неопределенности, возникают все новые и новые угрозы. Понятно, что самым наглядным тому подтверждением служит эпидемия нового коронавируса 2020–2021 гг. И даже без пандемий человек постоянно сталкивается с неопределенностью, связанной с неожиданным возникновением самого разного рода болезней.

Цивилизация на протяжении тысячелетий пыталась изобрести способы снятия природной неопределенности. И в ряде случаев она достигала в этом успеха, порождая эйфорию относительно того, что неопределенность этого вида может быть вообще когда-то преодолена. Сегодня во время эпидемии мы осознаем, что какими бы могущественными ни были средства и приемы борьбы с неопределенностью, цивилизация никогда полностью не поставит природу под свой контроль.

И для борьбы с неопределенностью, и для других целей человечество постоянно создает инновации, которые в свою очередь становятся источниками неопределенности. Сами по себе нововведения и сознательные изменения окружающей реальности в большинстве своем имеют четкую цель. Но окружающий нас мир напоминает детскую мозаичную игру или кубик Рубика — сдвигая один элемент в нужном для нас направлении, мы всегда изменяем положение других элементов. И в отличие от кубика Рубика мы чаще всего не можем изначально предсказать всех последствий целенаправленных и рациональных инноваций. В результате возникает надприродная неопределенность.

Наконец, в ряде случаев человечеству удастся создавать “живые вещи”, которые начинают жить своей собственной жизнью и отчуждаются от их создателей. Фантасты уже многие десятилетия прогнозируют появление искусственного интеллекта, который, саморазвиваясь, будет способен подчинить себе человечество. Но в реальной жизни мы постоянно сталкиваемся с такой живой сущностью, порождающей для нас неопределенность, как рынок. Он спонтанно

развивается по своим законам (или даже безо всяких законов) и постоянно подчиняет себе жизненные стратегии людей.

Рынок все время постоянно рождает новые идеи, претворяет их в жизнь, способен к постоянному творческому изменению. Причем, для производства таких изменений не нужно высшего организатора, дополнительного энергетического начала, внешнего воздействия. Рынок сам таит в себе источник развития. Пусть даже в какой-то момент для объяснения возникновения рынка понадобится некая фигура “демиурга”, после своего запуска рынок живет своей собственной жизнью. А рыночная природа современной экономики всегда и повсюду создает некоторую степень неопределенности. Практически непредсказуемые или малопредсказуемые кризисы, а также само “синусоидальное” развитие рынка уже на протяжении нескольких столетий делает жизнь людей непредсказуемой.

Таким образом, жизнь людей всегда была и будет сопряжена с неопределенностью. Однако человечество не было бы человечеством, если бы не пыталось активно бороться как с природными, так и надприродными ее видами. И именно эта борьба сегодня приобретает невиданные ранее формы и масштабы.

Инструменты борьбы с неопределенностью

Человечество пытается избавиться от состояния неопределенности с помощью двух инструментов — техники и организации. Техника в данном случае понимается очень широко — как вся совокупность искусственно созданных средств (прежде всего, материальных), с помощью которых человек меняет свое взаимодействие как с природой, так и с себе подобными. Организация подразумевает скоординированную работу масс людей. Благодаря такой координации, слаженности, согласованности по возможности достигается синергетический эффект.

Древние люди, испытывая недостаток материальных технических средств снятия природной неопределенности, прибегали к техникам психологическим — прежде всего ритуалам шаманов. Такие нематериальные техники “укрощения” неопределенности присутствуют в многочисленных квазинаучных концепциях и активно используются людьми и поныне. В Монголии в процессе трудоустройства учитывают мнения шаманов⁶. Во многих странах Юго-Восточной Азии для глав государств “элитные” астрологи со-

⁶ Барков С.А. Социологический анализ рынков труда в России и Германии (совместный проект МГУ и Университета прикладных исследований рынка труда г. Мангейма) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 2. С. 39. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-2-36-39.

ставляют гороскопы, которые непосредственно используются для определения времени принятия решений. Этим часто грешат и западные правители, хотя чаще всего и не афишируют свои “ненаучные” пристрастия на публике. Самого разного рода экстрасенсы вне зависимости от географии постоянно возникают в социальном пространстве и приобретают авторитет как среди элит, так и среди простого народа. И главная их сила в том, что они избавляют людей от ощущения неопределенности будущего.

Западная цивилизация уже много столетий в качестве приоритетного инструмента снятия неопределенности использует материальную технику, начиная с простейших машин, придуманных древними греками, и заканчивая современными вакцинами и искусственным интеллектом.

Как свидетельствует история, в борьбе с неопределенностью техника и организация могут быть взаимозаменяемыми или взаимодополняемыми. Не создавшая мощных технических средств укрощения природы цивилизация инков создавала свой предсказуемый надприродный мир исключительно благодаря организации⁷. В империи инков грандиозные проекты по преобразованию природной среды осуществлялись без развития техники, а только на основе создания крупных организационных систем из людей. Исключительно развитая для того времени цивилизация с дворцами, дорогами, крепостями, особыми системами передачи информации возникла только благодаря организации громадных масс населения.

С точки зрения европейца (как сегодняшнего, так и вчерашнего), для строительства египетских пирамид нужно было применять особую, очень совершенную технику. Но древние египтяне решали данную задачу почти исключительно с помощью организации.

Это наиболее яркие, но отнюдь не единственные примеры взаимозаменяемости техники и организации в борьбе с неопределенностью.

Весь же современный менеджмент наглядно символизирует собой огромный потенциал не замещения, а взаимодополнения техники и организации. Начиная со времен Ф. Тейлора и Г. Форда высокая производительность обеспечивалась с помощью внедрения новой техники одновременно с разработкой особых менеджерских приемов организации работников.

Наглядным примером взаимозаменяемости и взаимодополнения техники и организации как инструментов борьбы с неопределенностью могут служить меры, предпринимаемые против эпидемии

⁷ См.: *Шафаревич И.Р.* Социализм как явление мировой истории. М., 2003. С. 193–208.

коронавируса. Во-первых, это технические средства — лекарства и, прежде всего, прививки. Во-вторых, это организационные меры — карантины, локдауны и тотальный контроль за перемещением людей, т.е. специфическая организация жизни. И, как это часто бывает в истории, Запад и Восток обозначили среди этих средств разные приоритеты. Для Запада вакцина была и остается главным средством борьбы с пандемией. А Китай и Вьетнам почти полностью нивелировали первую волну распространения вируса с помощью организации — тотального контроля над людьми.

Особыми средствами снятия неопределенности служат технические средства, усиливающие организацию людей. Прежде всего, это различные средства коммуникации. Например, во время Великой Отечественной войны такими средствами были рации. На момент начала войны у Советского Союза хороших раций не было, и это очень сильно осложняло, а подчас делало невозможным координацию действий тысяч людей на фронтах: «военным и впрямь зачастую было куда проще подавать флажные сигналы, командовать “делай как я”, давать самолетам указания с помощью ракет и растягивания длинных полотнищ, чем сквозь шумы и помехи объясняться устно»⁸. Считается, что это обстоятельство было одной из значимых причин неудач нашей армии в период вторжения вражеских войск на территорию страны. Первые эффективные рации были поставлены в страну союзниками по ленд-лизу, а к середине войны и отечественная промышленность освоила их производство. С распространением раций армия стала воевать на порядок лучше.

С развитием современных средств коммуникаций появились невиданные возможности снятия неопределенности. Интернет и смартфоны предоставляют возможность тотального контроля над людьми. “Формируется очевидный тренд на практически полное искоренение того, что в прошлом было принято называть частной жизнью (*privacy*). Футурологи любят говорить об увеличении в мире числа компьютеров (в 14 раз с 1993-го по 2018 г.), лэптопов или смартфонов (в 9 раз с 2009-го по 2019 г.), но не следует забывать и о процессе, который развивается не менее стремительно: о взрывном росте числа разного рода видеокамер и видеофиксаторов, подключенных к глобальной или локальным сетям”⁹. Современные ИКТ создают невиданный ранее синтез организации и техники, который существенно сокращает неопределенность одновременно со свободой людей.

⁸ См.: Вассерман А.А. Указ. соч.. С. 106.

⁹ Иноземцев В.Л. На пороге иных времен. Что ждет человечество в наступающем десятилетии // Сноб. 2019.26.12. URL: <https://snob.ru/entry/186876> (дата обращения: 20.06.2021).

Рождение нового тоталитаризма

В самое последнее время мыслящие люди по всей планете стали осознавать, что развитие технологий в очередной раз самым существенным образом меняет институциональный контекст существования человечества. В 1980–1990 гг. существенные изменения в жизни людей были связаны с массовым распространением персональных компьютеров и интернета. Философами, социологами, психологами и футурологами создавались множественные концепции, связанные с осмыслением этого процесса. В какой-то момент показалось, что воздействию ИКТ на жизнь людей уже в целом дана оценка, а само это воздействие оказалось не столь радикальным, как об этом принято было говорить ранее. Лучше всего эту мысль выразил в своей книге “Блеск и нищета информационных технологий”¹⁰ Николас Карр. Он пришел к выводу, что ИКТ в начале XXI в. встали в один ряд с другими инфраструктурами современного мира — электроэнергетикой, железными дорогами и др. Люди включают компьютер с той же легкостью, с какой включают свет в квартире. В большинстве организаций используют очень небольшой набор программ, прежде всего, *Microsoft Office*.

Казалось, что в дальнейшем будут нарастать только количественные изменения: повышаться скорость передачи данных с помощью сетей N-G, увеличиваться память и быстродействие компьютеров. Но количественные изменения в какой-то момент привели к изменениям качественным. Из всеобщей радости по поводу использования социальных сетей, компьютерных игр, приложений банков и магазинов возникла возможность тотального контроля над людьми, тотального обсчета их потребления и всех иных жизненных проявлений.

Здесь следует сделать одно важное отступление, которое отделит предмет этой статьи от того, что писалось и пишется по аналогичному поводу, исходя из политической (или политологической) перспективы. Блокирование аккаунта Д. Трампа в *Twitter*, осознание того, что данные о жителях одной страны беспрепятственно передаются телекоммуникационными компаниями заинтересованным лицам из других стран, политика по сдерживанию проникновения российской точки зрения на политические события в социальных сетях, контролируемых западными компаниями, заставили слова “тоталитаризм” и “тоталитарный” прочно войти в современный политический дискурс. Но, как мы увидим чуть позже, все эти и многие другие процессы и явления представляют собой скорее экс-

¹⁰ Карр Н.Дж. Блеск и нищета информационных технологий. М., 2005.

цесс старого идеологического тоталитаризма. В настоящей статье речь идет о другом — о тоталитаризме как эффективном средстве избавления от неопределенности во всех сферах жизни, и прежде всего в экономике.

Неопределенность в жизни людей предстает в двух видах. Образно их можно обозначить как “неопределенность шахмат” и “неопределенность покера”. Первая заключается в колоссальной трудности обсчета всех вариантов будущего, притом что в принципе такой обсчет возможен. Неопределенность покера — это невозможность просчитать все варианты из-за наличия случайного набора переменных. С развитием ИКТ в прошлое уходит первый вариант неопределенности. Сегодня с помощью суперкомпьютеров можно просчитать почти все — и логистику одной бутылки водки, и посещения врачей всем населением России, и траты на путешествия всего населения Земли.

Тем самым рождается новый тип тоталитаризма. Если в XX в. тоталитаризм имел в первую очередь идеологическую основу, но был лишен технических средств контроля над людьми, то в XXI в. человечество обретает возможность практически полностью нивелировать неопределенность, связанную с частной жизнью людей и определяющую их свободу. Это уже не идеологический, а управленческий, “калькулятивный” тоталитаризм. Дополнив фразу Маркса, современное состояние социальной системы можно описать так: “Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом, суперкомпьютеры, технология *big data* и искусственный интеллект — общество с тотальным организатором (или диктатором — кому какое понятие ближе)”.

Рождение этого тоталитаризма напрямую связано со стремлением избежать неопределенности. Сколько людей в России погибло от “паленой” водки! Открываешь бутылку — а там неопределенность. Так давайте проследим путь каждой бутылки от момента розлива до момента потребления. Еще несколько лет назад такое было попросту невозможно. А сегодня это и возможно, и желательно. Сколько браконьеров работает на рынке пушнины! Так давайте проследим путь каждой шкурки норки от момента смерти животного и до момента покупки потребителем шубы, на пошив которой она пошла! Для налоговой инспекции доходы малого бизнеса — это всегда неопределенность. Так давайте сделаем так, чтобы сведения об изготовлении каждого ключа в металлоремонте, починки каждого ботинка обувщиком, продаже каждой чашечки кофе в кофейне были доступны фискальным органам! Ведь от этого зависят доходы государства и тем самым зарплаты врачей, учителей, полицейских и самих чиновников. Как можно не осуществить все эти гуманные начинания?!

Благие намерения избавиться от неопределенности создают управленческий тоталитаризм. Он рождается исподволь, неявно и оправдывает себя самыми благородными целями. Нужно следить за всеми водителями, чтобы они не разговаривали по сотовому телефону в поездке, — от этого зависит безопасность миллионов людей на дорогах страны. Нужно следить за тем, сколько времени тратит врач на прием пациента, — от этого зависит доступность здравоохранения. Нужно следить за учеником школы или студентом, чтобы в означенное время он находился в здании учебного заведения, — ведь в противном случае он может попасть во всяческие неприятности. При этом родитель должен мгновенно оповещаться о том, какую оценку получило его чадо, — а иначе как он его будет воспитывать. Новый тоталитаризм, как это было предсказано в свое время фантастами, всегда оправдывал и будет оправдывать свое существование соображениями безопасности. Некоторые ученые ставят усиление безопасности в один ряд с индивидуализацией потребления и рассматривают эти явления как несомненные достижения постиндустриальной цивилизации: “Общество создаст невиданную систему контроля за человеком и невиданные механизмы немедленного удовлетворения его новых потребностей и интересов. Этот тренд революционизирует мировую экономику, на корню убивая стандарты массового производства, сегментируя производство и потребление и, наконец, повышая (а не снижая, как сейчас часто кажется) уровень личной безопасности человека”¹¹.

Как будет показано ниже, этот управленческий тоталитаризм уже за недолгое время своего существования смог сократить изрядное количество “лакун” свободы любого гражданина — начиная от малолетки и кончая пенсионером. Но прежде чем более детально разобраться в сложившейся ситуации и попробовать передоложить хотя бы какие-то меры защиты личной жизни граждан, стоит обратиться к сравнению традиционного тоталитаризма, известного нам со времен Советского Союза, и его нового проявления.

Старый и новый тоталитаризм

Тоталитаризм XX в. принадлежит эпохе модерна и является продуктом рационализации всех сфер общественной жизни. Рационализация, по словам М. Вебера, — “расколдовывание мира”, составляет квинтэссенцию преобразований, которым подверглось общество в Новое время. Ученые хотели перестроить мир на разумных началах.

¹¹ *Иноземцев В.Л.* На пороге иных времен. Что ждет человечество в наступающем десятилетии // Сноб. 2019.26.12. URL: <https://snob.ru/entry/186876> (дата обращения: 20.06.2021).

Они старались, где это возможно, снизить проявления спонтанного, неконтролируемого разумом развития событий. Для такого контроля открывались законы, и человечество, действуя сообразно им, могло существенно снизить природную неопределенность. Законы физики и химии не зависели от сознания людей. И те, создавая лекарства против болезней, строя дамбы против наводнений, перебрасывая водные ресурсы с места на место от неурожаев, могли рассчитывать на то, что ряд природных процессов, чреватых болезненной неопределенностью, будут взяты под разумный контроль.

Аналогичным образом в эпоху модерна попытались отнестись и к общественной реальности — надприродной неопределенности. Ученые были уверены, что найдут здесь законы, которые будут действовать вне воли и сознания людей, что поможет создать новый счастливый мир. Но открыть такие законы не получилось. Закон построения коммунистического общества (или общего движения всех народов к коммунизму) совсем не похож на закон гравитации. Для его претворения в жизнь требуется контроль масс населения, причем тотальный контроль как за их поведением, так и за их сознанием. Миллионы людей в одночасье должны стать единомышленниками, а такое возможно только при применении жесточайших репрессивных мер.

Именно своей рациональной природой тоталитаризм отличается от традиционных авторитарных режимов. При авторитарных режимах человечество прожило большую часть своей истории. Короли и шейхи, цари и военные диктаторы заботились о том, чтобы у них не отняли власть. Они не пытались воплотить какую-либо теорию в жизнь. Поэтому при авторитарном правлении важно было ограничить политическую свободу и ряд смежных с ней свобод, но не перекраивать сознание людей. Нельзя критиковать правителя, нельзя издавать провокационные книги и призывать к бунту, нельзя создавать независимые общественные организации, партии и профсоюзы, почти нельзя (хотя все-таки можно) выезжать за границу и привозить оттуда “сведения со стороны” — вот те ограничения, которые традиционно существуют в авторитарных государствах. Но здесь никто не предписывает людям, как работать, как вести себя дома, как воспитывать детей, даже в большинстве случаев, кому и как молиться. Семья, религия, профессиональная деятельность и многие иные сферы общественной жизни в рамках авторитарного режима развиваются спонтанно и относительно свободно.

Но таких ограничений явно недостаточно, когда государство, якобы следуя научным законам, ставит перед собой цель создать абсолютно новый социальный мир, множество элементов которого

прямо или косвенно противоречат природе человека. Лучше всего разницу между авторитаризмом и тоталитаризмом символизирует фраза: “При авторитаризме важно не ругать правителя, а при тоталитаризме важно сделать так, чтобы сама критическая мысль о правителе не рождалась в умах граждан”. Действительно, сверхзадачей традиционного тоталитаризма является предотвращение появления чуждых мыслей, а не просто действий.

Для авторитарного государства характерны и тайная полиция, и пытки, и ссылки, и массовые репрессии, но это государство не стремится уничтожить или даже сколько-нибудь серьезно деформировать естественную социальную жизнь с ее естественными институтами. “Что придает историческое своеобразие тоталитарному государству, — писал известный американский социолог Р. Нисбет, — так это не абсолютная власть одного человека, клики или даже класса, а беспредельное вторжение государственных структур в социальные и психологические сферы, где ранее господствовали частные объединения. Тоталитаризм подразумевает разрушение автономных связей человека с человеком и одновременно и отнюдь не в меньшей степени — их замену другими связями, каждая из которых приобретает свое значение и санкцию на существование от центральной власти”¹².

В силу вышесказанного традиционный тоталитаризм может быть с определенной долей условности назван идеологическим. Нарождающийся тоталитаризм XXI в. — это управленческий тоталитаризм. Сегодня чиновникам и менеджерам в принципе все рано, какую идеологию исповедуют граждане. Но поскольку они создают ситуации непредсказуемости, с помощью ИКТ их нужно всецело контролировать и тем самым снижать надприродную неопределенность до минимума.

Из идеологической природы тоталитаризма XX в. и управленческой природы тоталитаризма XXI в. можно вывести ряд следствий, они же будут представлять собой сущностные характеристики этих двух общественных явлений (см. табл.).

Если старый тоталитаризм видел свою задачу в том, чтобы на основе контроля поведения и сознания людей вести их к единой цели, то новый тоталитаризм досконально отслеживает поведение и общение граждан для обеспечения безопасности и легкости управления ими. При этом главным субъектом контроля в старом тоталитаризме было государство. В рамках мощного государственного аппарата выделялись и особые органы, — спецслужбы, органы партийного контроля и др., — которые концентрировали в себе контрольную

¹² Nisbet R.A. Quest for community. N.Y., 1953. P. 205.

Сравнение тоталитаризма XX и XXI вв.

Критерии	Старый тоталитаризм	Новый тоталитаризм
Социальная основа и оправдание тотального контроля	Оправдывается требованиями разделять единые идеологические ценности и постулаты	Оправдывается требованиями безопасности, стремлением избежать неопределенности
Объекты контроля	Политические пристрастия и мировоззрение человека	Потребление и общение человека
Субъекты контроля	Государство в лице спецслужб	Государство во всех его проявлениях, коммерческие и некоммерческие организации
Профессионализм контроля	В значительном количестве случаев осуществляется квалифицированными людьми	Осуществляется неквалифицированными людьми, использующими ИКТ (вплоть до искусственного интеллекта)
Наличие лакун свободы	В силу несовершенства техники наличествует множество лакун для реализации экономических и некоторых других свобод	Последовательно уничтожаются все лакуны, где человек мог быть ненаблюдаемым, частная жизнь становится полностью прозрачной

функцию. В рамках нового тоталитаризма за гражданами следят не только государственные органы, но и корпорации. Новый тоталитаризм, как двуликий Янус, имеет как государственное, так и корпоративное лицо. О корпоративном лице современного тоталитаризма очень удачно высказалась американская социолог и футуролог С. Робинсон, сравнивая корпоративные центры власти с всемогущим Политбюро ЦК КПСС в Советском Союзе: корпорации «серьезно ограничили наш выбор: что покупать, где работать, как жить, какими правами обладать. Наше будущее перестает нам принадлежать. Все больше и больше решений, больших и малых, определяющих качество нашей жизни, принимают аппаратчики из Политбюро Верховного Корпоративного Совета, находящегося где-то вдалеке от нас. Сейчас этими аппаратчиками являются пиарщики, маркетологи, финансисты, лоббисты, ратующие за интересы транснациональных корпораций, а также менеджеры-учетчики, пытающиеся увеличить корпоративную прибыль за счет наших свобод»¹³.

¹³ Robinson S. How corporations make America like the USSR // Salon. 2012.17.07. URL: https://www.salon.com/2012/07/17/the_new_totalitarianism_how_american_corporations_have_made_america_like_the_soviet_union_salpart (accessed: 02.11.2020).

Особое внимание следует обратить на профессионализм контроля. В рамках традиционных организационных структур контрольная функция возлагалась прежде всего на тех, кто занимал более высокие позиции в управленческой иерархии. Для того чтобы занять такие позиции, в большинстве случаев нужно было обладать большим профессионализмом в сравнении с подчиненными. Такой контроль по природе своей был закономерен: более знающие контролировали менее знающих. Понятно, что в реальной жизни были множественные исключения¹⁴, но по большей части система старого тоталитаризма работала именно так.

Новый тоталитаризм радикально изменил ситуацию. Существует одно неформальное и одновременно парадоксальное определение искусственного интеллекта: он представляет собой нечто, что позволяет непрофессионалам делать профессиональные вещи. И во многих случаях это действительно так, что подтверждает начавшееся в постиндустриальную эпоху массовое исчезновение некоторых профессий и изменение требований к осуществлению соответствующей деятельности. Это как раз и произошло с контрольными функциями. Сегодня, чтобы контролировать людей, не нужно быть более одаренными, чем они. Не обученные почти ничему офисные менеджеры, имея большую плазменную панель с множеством зеленых и красных клеточек, могут контролировать ученых, профессиональных строителей, врачей, преподавателей, чиновников... Деквалификация (*deskilling*) контролеров стала важнейшей чертой нового тоталитаризма. Во многом именно отсюда берет начало жесткость и несправедливость современного контроля. В рамках старого тоталитаризма контролер, который хорошо понимал особенности профессиональной деятельности, мог, что называется, «войти в положение». Он по своему опыту знал, что существуют ситуации, когда невозможно и даже вредно следовать предписаниям, что отклонения от нормы — вещь неизбежная, важно только понять причины таких отклонений. Контролер от нового тоталитаризма в принципе не может понять, с какими трудностями сталкиваются люди, за которыми он следит. Он просто видит, что на экране зажглась красная клеточка, и в этом случае нужно наложить санкцию или сделать еще что-то предписанное, никоим образом не вникая в сущность происходящего.

¹⁴ Наиболее известным и «вопиющим» исключением был контроль за деятелями искусства (в Союзе писателей, Академии художеств, Министерстве культуры и др.). Именно здесь можно было почти постоянно наблюдать ситуации, когда менее профессиональные «художники», получившие высокие посты, контролировали своих более профессиональных и талантливых коллег. Неслучайно, именно деятели искусства сыграли столь значимую роль в крушении старого тоталитаризма.

Но самое главное отличие нового тоталитаризма все же не в том, что контроль сегодня могут осуществлять непрофессионалы, а в многократно усилившихся с помощью ИКТ средствах контроля. Тоталитаризм XX в. при всей своей жестокости и репрессивной мощи постоянно сталкивался с тем, что у него отсутствовали технические средства тотального контроля населения. Даже в самой контролируемой идеологической сфере существовали “прорехи” контроля, создающие лакуны свободы. Один из известных отечественных социологов, критикуя само понятие советского тоталитаризма, приводил яркий пример из своей жизни. В 1970-е гг. он как-то очень поздно вечером ехал в метро. Людей в вагоне было мало, и по установившейся в то время традиции все что-то читали. Так как шел уже двенадцатый час и нарваться на “государственных контролеров” было практически невозможно, читали то, что хотели. Понятно, что социолог решил посмотреть, что читают люди. Он подсел к одному и увидел распечатку какой-то книги Солженицына, не привлекая внимания, перешел к другому и увидел машинописные страницы с повестью Войновича, а у двери стояла девушка, которая пролистывала какие-то материалы хельсинской группы. “И это вы называете тоталитаризмом?!!” — задавал в финале своего рассказа риторический вопрос социолог. Не было смартфонов, и контроль не мог быть тотальным; тоталитаризм повсюду был, что называется, “дырявым”.

Используя терминологию уже не раз упомянутого Маркса, тоталитаризм XX в. как политическая надстройка был лишен технико-экономического базиса. Особенно это было заметно в хозяйственной сфере, т.е. в той сфере, которую сегодня с помощью мощных ИКТ стало возможным контролировать тотально. Видимым признаком неудач в построении тотально контролируемого нерыночного хозяйства была якобы научная дисциплина “Политэкономия социализма”. По своей сути она была не в меньшей степени мифологична, чем “Научный коммунизм”. То, что она являла собой некоторую смесь желаемого, выдаваемого за действительное, и идеологических догматов, становилось особенно очевидным при сравнении ее с политэкономией капитализма, разработанной опять же Марксом и в методологическом плане представлявшей собой рафинированную научную концепцию.

В реальной же экономике сплошь и рядом существовали лакуны для независимой хозяйственной деятельности. Интересно то, что ряд таких лакун “осуждался” тоталитарным порядком, с ними по возможности боролись, но были и такие, которые прямо или косвенно поддерживались коммунистической партией и государством. К первым “осуждаемым” лакунам можно отнести цеховиков и ша-

башников. Они явно действовали вопреки законам, установленным свыше, и пользовались невозможностью тотально контролировать материальные и финансовые потоки в многомиллионной стране для своего обогащения. При этом они выполняли очень важные социальные функции — снабжали народ дефицитными товарами и осуществляли работы (прежде всего строительство и ремонт), без которых официальные организации не смогли бы работать нормально. Но наряду с этими прорехами планового хозяйства были и студенческие отряды, деятельность которых прямо поддерживалась государством. Но как можно было планировать их деятельность, если она по природе своей была добровольной?! Если бы контроль был тотальным и позволял создавать абсолютно реалистические планы, нужно было бы на пять лет вперед планировать численность строительных отрядов и заранее производить для них все необходимое. Этого не было, и осуществляемые студентами работы (часто хорошо оплачиваемые) определялись на месте директорами колхозов и других предприятий, причем сырье и другие необходимые материалы для этих незапланированных работ так или иначе находились.

Существование огромной армии снабженцев — людей одаренных и обладающих особыми компетенциями — также может служить косвенным доказательством невозможности тотального контроля материальных потоков в советское время. В соответствии с рациональной идеей, заложенной в плановое хозяйство, в начале, например, стройки для нее уже должны были быть завезены все необходимые материалы. Их в теории не нужно было “выбивать”, чем занимались талантливые снабженцы.

Таких примеров можно привести очень много. Отсутствие суперкомпьютеров превращало плановую экономику из основы тоталитарного строя в его проблему. В середине XX в. Ф. Хайек в своей знаменитой книге “Дорога к рабству” очень точно описал ту неопределенность, которая делала централизованное планирование неэффективным: “Когда правительство должно определить, сколько выращивать свиней или сколько автобусов должно ездить по дорогам страны, какие угольные шахты целесообразно оставить действующими или почем продавать в магазинах ботинки, — все такие решения нельзя вывести из формальных правил или принять раз и навсегда или на длительный период. Они неизбежно зависят от обстоятельств, меняющихся очень быстро. И, принимая такого рода решения, приходится все время иметь в виду сложный баланс интересов различных индивидов и групп”¹⁵. Сегодня мы можем не только посчитать все пары ботинок, но и чипировать их, чтобы точно

¹⁵ Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 2005. С. 91.

понимать, когда они были куплены и когда выкинуты на помойку. Не нужно использовать усредненные показатели типа “усушки-утруски”, создававшие возможности для воровства и осложнявшие управление материальными потоками, появляется возможность точно знать, существует ли сейчас та или иная единица продукции и в каком месте она находится.

Новый тоталитаризм, избавившись от идеологии, обрел технические средства тотального контроля. Он естественным образом вызрел в лоне технического прогресса, поэтому с ним очень сложно бороться. И все же на некоторых мерах борьбы необходимо остановиться.

Меры борьбы с новым тоталитаризмом

Почему следует бороться с новыми тоталитарными тенденциями в развитии общества? Вопрос кажется праздным, но это не так. Если у старого тоталитаризма всегда были оппоненты, придерживающиеся других идеологий, то новый тоталитаризм позиционирует себя как “благородный” инструмент избавления от неопределенности, т.е. от боли и страданий людей. Однако античеловеческая сущность тоталитаризма в обоих случаях остается неизменной.

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих те эксцессы, которые в обязательном порядке будут давать о себе знать, если тенденция к управленческому тоталитаризму в современных обществах будет усиливаться.

Представим себе ситуацию, которая часто попадала в анекдоты и заключалась в том, что сильно превысивший скорость водитель объясняет свое правонарушение какими-то форс-мажорными жизненными обстоятельствами: жена рождает, отвожу родственника в больницу, у меня в доме пожар и т.п. Превышение скорости — это опасность для множества людей, оно порождает неопределенность на дороге, ведь участники дорожного движения рассчитывают на то, что все будут соблюдать скоростной режим. Но можно предположить, что реальные ситуации, заставляющие водителя превысить скорость, все же имеют место не только в анекдотах, но и в реальности. Тогда в условиях тотального контроля какой-то человек реально может погибнуть из-за того, что его не довезли до больницы вовремя. В условиях старого тоталитаризма ситуацию “разруливал” страж порядка: он мог оценить ситуацию, “войти в положение” и в конце концов “сжалиться”. И эта была та лакуна свободы, которая в некоторых случаях спасала жизни людей. При тотальном контроле камерами не только за водителями, но и за теми же стражами порядка, нивелируется сама возможность “гуманных” отклонений от столь вожаделенной определенности.

Другой пример. Очень точное время, которое сегодня отведено врачу на прием пациента, вносит определенность для всех других пациентов и для самого врача. Но иногда нужно потратить чуть больше времени на конкретного больного — от этого зависит правильность и эффективность лечения. Сделать такое в условиях нового тоталитаризма не представляется возможным. Определенность и в этом случае будет находить своих жертв.

Если отвлечься от ситуаций с возможностью летального исхода и просто посмотреть на жизнь человека в условиях нового тоталитаризма, станет понятным, что сама эта жизнь становится менее интересной, что определенность внешней среды провоцирует исчезновение важных и притягательных личных качеств, которые еще не так давно естественно вырабатывались благодаря лакунам свободы. Так, тотальный контроль за ребенком снижает неопределенность и избавляет родителей от боязни за то, что с их чадом может произойти какая-то неприятность. При этом сам ученик в условиях тотального контроля за его пребыванием в школе и наличия электронного дневника, не позволяющего скрывать плохие оценки, становится инфантильным и не способным принимать самостоятельные решения.

Миф о послушном народе — один из самых древних. С незапамятных времен все управленцы хотели бы видеть свой народ, четко выполняющим все их предписания. По всей видимости, наиболее точно этот миф выразили древние китайцы, сравнивая хороший народ с податливой глиной в руках умелого гончара¹⁶. Но развивая мысль о послушном народе, мы всегда сталкиваемся с философским вопросом: а почему тот или иной человек не нарушает законы и правила. На этот вопрос можно предложить три варианта ответа. И только первый из этих ответов способен удовлетворить и власть предержащих, и само общество. Он заключается в том, что человек по природе своей законопослушен и нравственен, он считает, что исполнение законов идет на благо ему лично и обществу в целом. Второй ответ отсылает нас к глупости этого человека — он настолько глуп, что не может придумать способ нарушить закон без того, чтобы не подвергнуться наказанию. Третий ответ делает акцент на его трусости. Так какой он, послушный человек — нравственный, глупый или трусливый? Определить это только по его поведению невозможно. Однако можно утверждать, что при всем стремлении уничтожить неопределенность, управленцы в большинстве своем не хотели бы иметь дело с глупым и трусливым народом. Создавая мир, в котором всякое нарушение правил становится невозможным, управленцы сталкиваются с невозможностью отличить добро от зла.

¹⁶ См.: *Шан Ян*. Книга правителя области Шан. М., 2020.

После того, как выявлены негативные стороны избегания неопределенности любой ценой, можно поговорить о способах противостояния новому тоталитаризму. Описать их все сегодня не представляется возможным, так как новый тоталитаризм только начинает свое шествие по планете, и его дальнейшее развитие неминуемо приведет к появлению все новых методов и средств борьбы с ним. Важно и то, что эти методы и средства по определению должны быть неожиданными, непредсказуемыми заранее, только тогда они будут действенными.

Сегодня просматриваются три пути сопротивления — один абстрактный и два конкретных. Абстрактное решение связано с изменением мировоззрения людей, оно не предполагает конкретных действий, но служит ментальным базисом для них. По большей части это задача социальной философии и социологии, а также системы образования и воспитания. Во-первых, нужно дать людям четкое представление о неоднозначности и негативных сторонах преодоления неопределенности. Однако изменения мышления недостаточно, поскольку люди испытывают удовольствие, а иногда и счастье при избавлении от опасностей и угроз. Противостоять эмоциям очень сложно, но развитие человечества сплошь и рядом дает нам примеры их сознательного укрощения. Видимо, в случае с неопределенностью, предстоит сделать то же самое.

Практические действия по борьбе с новым тоталитаризмом распадутся на два вида — регрессивные и прогрессивные по своей природе. Первые, повторяющие в новых условиях некие “луддистские мотивы”, заключаются в том, чтобы по возможности не пользоваться теми современными изобретениями, которые предполагают тотальный контроль. Это очень сложно, ведь новый тоталитаризм имеет колоссальную PR-поддержку, а предлагаемые им технические средства обладают явными удобствами и во многом облегчают жизнь людей. И все же некоторые действия в этом направлении возможны. Так, в Германии в последние годы многие граждане сознательно не отказываются от наличных денег, чтобы хотя бы часть своих покупок “не делать достоянием гласности”. Многие преподаватели, чиновники и другие люди, что называется, “публичных профессий” не ведут аккаунты в социальных сетях. В ряде случаев для своей конфиденциальности можно пользоваться кнопочным телефоном вместо смартфона. Вполне возможно, что в недалеком будущем, когда пройдет всеобщая радость от низких цен у агрегаторов такси, возродятся традиционные службы, которые будут позиционировать себя как сознательно не сохраняющие маршруты клиентов. При этом “технический откат” может стоить не так уж дорого, но способен сохранить лакуны свободы.

Альтернативные действия связаны с тем, что новейшие изобретения станут создаваться таким образом, чтобы избежать самой возможности тотального контроля. В основе такого рода действий лежит изменение мировоззрения ученых и менеджеров, и описанный выше мировоззренческий подход к борьбе с новым тоталитаризмом при всей своей абстрактности в этом случае может быть достаточно действенным. Если население будет готово платить приличные деньги за свою неподконтрольность, появятся и те, кто претворит это желание в жизнь, каким бы несбыточным сегодня оно ни казалось. Техническая основа для этого создана уже достаточно давно. Это даркнет — темная зона интернета. Уже сегодня она насчитывает миллионы пользователей, почти полностью зашифровавших возможность отследить их действия на компьютере. Понятно, что на сегодняшний момент даркнет используется прежде всего в преступных целях неглупыми и нетрусливыми людьми. Но если тотальный контроль начнет искажать жизненные намерения и приоритеты большого количества людей, в даркнет хлынут миллиарды пользователей, и тогда вполне возможно сама идея их контролировать сойдет на нет. Если же управленцам и здесь удастся наладить отслеживание своих подчиненных, возникнет дарк-даркнет и так далее по цепочке. Так как сегодня невозможно предугадать все технические изобретения будущего, нельзя четко представить себе успешную техническую конфигурацию харда и софта, которые бы позволили поставить заслон всеобщему контролю.

Существуют и более легальные технические решения, хотя по понятным причинам они имеют очевидные недостатки — родимые пятна нового тоталитаризма. Постоянно возникают мессенджеры и социальные сети, которые пытаются гарантировать анонимность участников. Копания *Apple* в 2021 г. запустила новую версию своей операционной программы *iOS*. Теперь разного рода приложения не смогут получать доступ к пользовательской информации. Как заявляет *Apple*, таким образом она хочет обезопасить владельцев *iPhone* от чрезмерного сбора данных, которым грешат *Facebook* и другие интернет-корпорации. “Сейчас самое подходящее время для того, чтобы заявить, что из-за растущего объема персональных данных, которые пользователи хранят на своих устройствах, их уязвимость к возрастающим рискам конфиденциальности также многократно возрастает”, — объяснил главный инженер *Apple* по конфиденциальности Эрик Нойеншвандер в интервью агентству *Associated Press*¹⁷.

¹⁷ Цит. по: Gazeta.ru. 2021.27.04. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2021/04/27/13573898/apple_fb.shtml (дата обращения: 20.06.2021).

Такое мнение как нельзя лучше отражает изменение мировоззрения разработчиков ИКТ и дает надежду на то, что усилия по противодействию тотальному контролю будут прилагаться и в дальнейшем.

Очевидно, что подобные инновации всегда уязвимы, так как подразумевают очень высокий уровень доверия к некоей компании, которая (якобы или на самом деле?) будет гарантировать конфиденциальность. Кроме того, по всей вероятности, в недалеком будущем может возникнуть некоторый новый тип цифрового неравенства между людьми — неравенство в конфиденциальности. Например, пользователи продукции *Apple* не самые бедные люди на Земле. Как и в рамках старого идеологического тоталитаризма, элита в новых условиях будет стремиться к тому, чтобы самые болезненные проблемы тотального контроля не касались бы ее представителей.

Новый тоталитаризм только начинает развиваться. Однако очень скоро многие люди на планете почувствуют, что их жизнь изменилась. В своей профессиональной деятельности и личной жизни они столкнутся с невиданной ранее степенью контроля. Управленцы же, анализируя огромные массивы информации и используя искусственный интеллект, смогут предугадывать не только действия, но и в какой-то степени чувства и мысли людей. Народ все в большей степени будет напоминать им мягкую глину, из которой можно слепить любой предмет по задумке автора.

Уничтожив неопределенность шахмат, связанную с невозможностью обработать гигантские массивы информации, современные ИКТ с особым усердием будут работать над избавлением от неопределенности покера, основанной на существовании случайных событий. И эта работа будет подаваться как движение к светлому будущему, лишенному катаклизмов, угроз и болезней.

И руководители государств, и руководители корпораций получают очень высокие дивиденды от снятия неопределенности в рамках нового тоталитаризма. Впервые в истории они могут контролировать и предугадывать действия масс населения. Наконец-то в их руках оказался инструмент реализации всех их мечтаний по преобразованию мира. Но только простой народ, не получив таких дивидендов, может осознать всю пагубность отсутствия лакун свободы в новом социальном устройстве. Поэтому вполне вероятно наступит новый этап в развитии гражданского общества. Парадоксом этого этапа может стать стремление не громко заявить о себе, а быть незаметным для властей, не влиять на их решения, а стать невидимым, неосязаемым, ускользающим от технических средств, стоящих на службе у управленческой элиты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барков С.А. Социологический анализ рынков труда в России и Германии (совместный проект МГУ и Университета прикладных исследований рынка труда г. Мангейма) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 2. С. 36–39. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-2-36-39.

Барков С.А., Зубков В.И. Монологи и диалоги о постмодерне и постмодернизме. М., 2019.

Бурькин А.Н. Тоталитарное управление как комплекс отчужденно-бюрократических методов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия философские науки. 2009. № 2. С. 35–43.

Вассерман А.А. Скелеты в шкафу истории. М., 2012.

Вехорев Ю.А. Собственность, политическая власть и тоталитарное государство // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 2. С. 172–177.

Габович Е.Я. Многовариантность истории как следствие продажности историков. URL: <https://history.wikireading.ru/291650> (дата обращения: 22.06.2021).

Егунева М.В. Тоталитарное мышление: деконструкция реальности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 1. С. 4–7.

Иноземцев В.Л. На пороге иных времен. Что ждет человечество в наступающем десятилетии // Сноб. 2019.26.12. URL: <https://snob.ru/entry/186876> (дата обращения: 20.06.2021).

Карр Н.Дж. Блеск и нищета информационных технологий. М., 2005.

Мажирина А.А. Тоталитаризм: некоторые вопросы теории и истории // Военно-юридический журнал. 2010. № 4. С. 30–32.

Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // Маркс К. Из ранних произведений. М., 1956.

Расторгуев В.Н. Единодержавие: новые лики тоталитаризма // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 1. С. 43–50.

Тимофеев И. Сумерки Запада? Новый тоталитаризм, рефлексия и свободная мысль // Сайт Российского совета по международным делам (НП РСМД). 2019.17.09. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sumerki-zapada-novyy-totalitarizm-refleksiya-i-svobodnaya-mysl> (дата обращения: 20.06.2021).

Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 2005.

Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М., 2021.

Шан Ян. Книга правителя области Шан. М., 2020.

Шанин А.А. Новый тоталитаризм (обзор классических трактовок тоталитаризма с позиций современности) // Вестник ВолГУ. Серия 9. Исследования молодых ученых. 2007. С. 90–92.

Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории. М., 2003.

Юрченко Н. Новый американский тоталитаризм. Почему США похоронили свою мечту? // Life. 2020.09.06. URL: <https://life.ru/p/1328208> (дата обращения: 20.06.2021).

REFERENCES

Baehr P. Totalitarianism in America? Robert Nisbet on the “Wilson war state” and beyond // The American Sociologist. A Conservative in Academe: Robert Nisbet and American Sociology. 2014. Vol. 45. N 1. P. 84–102.

Barkov S.A. Sotsiologicheskii analiz rynkov truda v Rossii i Germanii (sovmestnyi proekt MGU i Universiteta prikladnykh issledovaniy rynka truda g. Mangeima) [Sociological analysis of labor markets in Russia and Germany (joint project MSU and Mannheim university of applied labor market studies)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2019. Vol. 25. N 2. P. 36–39. DOI:10.24290/1029-3736-2019-25-2-36-39 (in Russian).

Barkov S.A., Zubkov V.I. Monologi i dialogi o postmoderne i postmodernizme [Monologues and Dialogues on Postmodernism and Postmodernism]. M., 2019 (in Russian).

Burykin A.N. Totalitarnoe upravlenie kak kompleks otchuzhdenno-byurokraticheskikh metodov [Totalitarian Management as a Complex of Alienation-Bureaucratic Methods] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya filosofskie nauki. 2009. Vol. 2. P. 35–43 (in Russian).

Carr N.J. Blesk i nishcheta informatsionnykh tekhnologii [The splendour and misery of information technology]. M., 2005 (in Russian).

Eguneva M.V. Totalitarnoe myshlenie: dekonstruktsiya real'nosti [Totalitarian Thinking: Deconstruction of Reality] // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. N 1. P. 4–7 (in Russian).

Gabovich E.Ya. Mnogovariantnost' istorii kak sledstvie prodazhnosti istorikov [Multiple versions of history as a consequence of venality of historians]. URL: <https://history.wikireading.ru/291650> (accessed: 22.06.2021) (in Russian).

Harari Y.N. Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva [Sapiens. A Brief History of Humanity]. M., 2021 (in Russian).

Hayek F. Doroga k rabstvu [The road to slavery]. M., 2005 (in Russian).

Inozemtsev V.L. Na poroge inykh vremen. Chto zhdet chelovechestvo v nastupayushchem desyatiletii [On the Threshold of Other Times. What awaits humanity in the coming decade] // Snob. 2019.26.12. URL: <https://snob.ru/entry/186876> (accessed: 20.06.2021) (in Russian).

Marx K. Razlichie mezhdru naturfilosofiei Demokrita i naturfilosofiei Ehpikura [The Difference Between the Natural Philosophy of Democritus and the Natural Philosophy of Epicurus] // Marx K. Iz rannikh proizvedenii. M., 1956 (in Russian).

Mazhirina A.A. Totalitarizm: nekotorye voprosy teorii i istorii [Totalitarianism: Some Issues of Theory and History] // Voenno-yuridicheskii zhurnal. 2010. N 4. P. 30–32 (in Russian).

Nisbet R.A. Quest for Community. N.Y., 1953.

Rastorguev V.N. Edinoderzhavie: novye liki totalitarizma [The Uniform Power: New Faces of Totalitarianism] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2009. N 1. P. 43–50 (in Russian).

Robinson S. How corporations make America like the USSR // Salon. 2012.17.07. URL: https://www.salon.com/2012/07/17/the_new_totalitarianism_how_american_corporations_have_made_america_like_the_soviet_union_salpart (accessed: 02.11.2020).

Shafarevich I.R. Sotsializm kak yavlenie mirovoi istorii [Socialism as phenomenon of the world history]. M., 2003 (in Russian).

Shang Yang. Kniga pravatelya oblasti Shan [Book of the ruler of the Shan State]. M., 2020 (in Russian).

Shanin A.A. Novyi totalitarizm (obzor klassicheskikh traktovok totalitarizma s pozitsii sovremennosti) [New totalitarianism (review of classical interpretations of totalitarianism from the perspective of modernity)] // Vestnik VoLGU. Seriya 9. Issledovaniya molodykh uchenykh. 2007. P. 90–92 (in Russian).

Timofeev I. Sumerki Zapada? Novyi totalitarizm, refleksiya i svobodnaya mysl' [Twilight of the West? New totalitarianism, reflexivity and free thought] // Sait Rossiiskogo soveta po mezhdunarodnym delam. 2019.17.09. URL:<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sumerki-zapada-novyy-totalitarizm-refleksiya-i-svobodnaya-mysl> (accessed: 20.06.2021) (in Russian).

Vasserman A.A. Skelety v shkafu istorii [Skeletons in the wardrobe of history]. M., 2012 (in Russian).

Vekhorev Yu.A. Sobstvennost', politicheskaya vlast' i totalitarnoe gosudarstvo [Property, political power and totalitarian state] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo. 2003. N 2. P. 172–177 (in Russian).

Yurchenko N. Novyi amerikanskii totalitarizm. Pochemu SSHA pokhoronili svoyu mechtu? [New American Totalitarianism. Why did USA buried their dream?] // Life. 2020.09.06. URL: <https://life.ru/p/1328208> (accessed: 20.06.2021) (in Russian).